

ЗАВОЕВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ

Века, люди, понятия, — все смешалось.

На одном и том же тротуаре встретились еврей-танцмейстер с длинными пейсами и красноармеец, монашки в набрахмаленных воротничках и поэт Михалков. Красный командир в шинели «м-1» проезжает мимо средневекового костела, перед которым в каменном гробу лежит каменный Христос и в резких барочных складках его одежды горят две свечи. Рядом с магазином, где продаются иконы и картины из священного писания, висит наш знакомый советский железнодорожный плакат.

Проезжая на грузовике желтыми от осенних листьев лесами Западной Белоруссии, мимо разрушенных польско-немецкой войной деревень, мимо опрокинутых ферм, мостов, я кумал о том, что встретившийся сенза — это давно прошедшее «позавчера», разрушенный дом — совсем недавнее «вчера», группа красноармейцев вместе с молодежью, поющая о том, как «выходила на берег Катюша», — это настоящее, большое «сегодня», а играющие тут же в Красную Армию дети — это «завтра». Счастливое завтра освобожденного народа.

В городском театре города Белостока, в центре Западной Белоруссии, собрались дети. Две тысячи детей. На сцене, за закрытым занавесом, стоят декорации спектакля «Большой Иван», расположились оркестр и небольшая группа актеров Государственного Центрального театра кукол.

Веселое волнение в зале. Тревожное волнение на сцене. Это была первая встреча с детьми Западной Белоруссии.

Я вышел, перед занавесом. Стал говорить. Сколько раз до этого мне приходилось разговаривать с детьми, — и выходило хорошо. А тут не выходит! Плохо понимают русский язык. Что же тогда будет на спектакле? Прошу местного директора театра рассказать содержание спектакля на польском языке. Волнение мое усиливается. Тот ли спектакль мы выбрали для первой встречи?

«Большой Иван» — сказка о том, как маленькие злые людшики, которых изображают куклы, хитростью победили большого и сильного человека, ослепили его змеиным ядом, напугали рассказами о всемогущем паре, заставляли построить дворец, колокольню, амбар и запастись хлеба на сто лет. Но вот сокол принес Большому Ивану живую волю. Иван промыл глаза, увидел солнце. Пропал страх из его сердца, и он справился со своими врагами.

Поймут ли ребята эту сказку? Как они будут реагировать в том месте, где Иван пинком ноги сшибает перковь и, схватив попа, кричит: «Ах ты, последний последняя, я тебя за друга считал, а ты, оказывается, хуже всех»? Как примут они это? Вель сенза — еще не апахронизм, ведь свечи еще горят перед костелом.

Открылся занавес. Перед огромным луком — костер. Большой Иван, которого играет живой человек, принес рыбу и, пока варится уха, беззаботно дурачится со своими будущими угнетателями — маленькими людшками. Ребята хохочут. Они никогда не видели театра, тем более — ку-

кольного. Они радуются каждому движению, каждому жесту. Радуются бурно. Хотят заглушить реплики.

На сцене ночь. Большой Иван спит. А в это время против него ведется заговор: выползает из своей норы огромная змея. В зрительном зале тишина. Так тихо, будто зал внезапно опустел. Эта реакция дороже шумного смеха: значит, понимают, значит, верят.

В антракте за кулисы приходят из зрительного зала белорусские, польские, еврейские актеры. Говорят замечательные, волнующие слова, расспрашивают о технике, рассматривают куклы, но я все-таки спокоен. Жду второго акта — последнего акта.

Никогда в жизни я не смогу забыть того, что происходило во время второго акта. Все мои сомнения испарились. Передать силу радостного крика хвух тысяч детей невозможно. Они все поняли, все приняли. Громом безудержных аплодисментов встретили они пахение колокольной. Нет, они совсем не жалели предателя-попа. Они ненавидели его. Из-под разрушенного двора выскочил маленький человечек. Он чуть было не удрал. Ребята всем залом кричали о том, где его искать. Это был невинный и ничтожный царь, который так долго властвовал над Иваном. А когда Иван хватал каменные глыбы и кидал их в своих врагов, весь зал поднимался вместе с поднятым камнем и неистовым криком радости встречал каждый удар. Я никогда не видел такой реакции на наших спектаклях. Мне не показалось странным, что у многих актеров на глазах блещут слезы, так как и самому нелегко было их сдерживать. И я знаю, что во время спектакля пламя средневековой свечи не горело в душах наших зрителей. Горело другое пламя — большое, советское, настоящее.

На следующий день в кабинете начальника местного управления по делам искусств тов. Эльбе мы встретились с актерами-беженцами, захотевшими организовать кукольный театр. Я рассказывал им о наших формах работы, о летском активе, о выеззах в школы, о содержании наших пьес. Художник нашего театра тов. Терехова говорила о методах оформления, директор тов. Бурлаков рассказывал о структуре театра и его организации. Мы ввели, как загорались глаза наших слушателей — будущих соратников по искусству. То, что для нас, советских актеров, казалось обычным и естественным, для них было открытием. И когда тов. Эльбе сказал им, что будут и помещенно для театра, и деньги, и фургон для поездок по деревням, — эти люди, недавно считавшие себя затерянными, выглядели счастливыми: они нашли, наконец, свое место, свою работу, в их руках теперь такое большое и интересное дело.

Театр уезжал из Белостока, показав свои спектакли и яства. в Красной Армии, и местным работникам искусств. Его путь отсюда в Брест, затем в Пилск, Барановичи.

С. ОБРАЗЦОВ.